

ВВЕДЕНИЕ

Выдающийся кубинский мыслитель Хосе Марти с присущей ему поэтичностью как-то заметил: «Не успел человек родиться, а возле его колыбели уже стоят, держа наготове широкие и толстые повязки философий, религий, увлечений отцов, политических систем. Человека скручивают, связывают. И он на всю жизнь остается взнузданным и оседланным, словно конь». Нечто подобное происходило и при рождении независимого Кубинского государства. В то время как почти все латиноамериканские народы обрели свободу еще в начале XIX в., Куба до конца столетия не могла порвать «пуповину», связывавшую ее в течение почти четырех веков с Испанией, которая в королевских седулах (указах) именовалась не иначе, как «матерью-родиной», а многим кубинцам казалась несносной мачехой.

Продолжая ту же аналогию, можно сказать, что рождению кубинского государства предшествовало и появление «толстых повязок философии», касающихся именно «антильской жемчужины». Они создавались в США и были направлены на превращение Кубы в одну из звездочек американского флага. Среди них прежде всего следует упомянуть доктрины «зрелого плода» и «предопределения судьбы».

Первую обнародовал в 1823 г. государственный секретарь США Джон Куинси Адаме: «Существуют законы как физического, так и политического тяготения, — писал он. — Подобно тому, как плод, отделенный силой ветра от фруктового дерева, не может, даже если бы хотел, не упасть на землю, так и Куба, отделившаяся от Испании и порвавшая соединявшие их искусственные узы, окажется неспособна к самоуправлению и обязательно испытает тяготение к Североамериканскому союзу, причем исключительно... к нему. В свою очередь, нашему Союзу в силу действия того же закона невозможно будет не принять ее» (курсив мой.— Авт.).

Подобного рода циничная аргументация составляет основу и второй доктрины, появившейся в середине XIX в. Таким образом, в Вашингтоне считали, что рано или поздно Куба обречена стать американской, поэтому в борьбе за независимость кубинские патриоты вынуждены были учитывать как испанский, так и североамериканский факторы. Но

все-таки свою первоочередную задачу они видели в избавлении Кубы от испанского господства.

В этой борьбе большую роль играли Хосе Мариа Эредиа, Карлос Мануэль де Сеспедес, Каликсто Гарсиа, Антонио Масео, Максимо Гомес и, разумеется, Хосе Марти. Если первый своей лирой только призывал к борьбе, то остальные были ее активными участниками. Все они в конечном счете внесли огромный вклад в обретение Кубой независимости, в защиту ее национального достоинства, ее нравственных и моральных ценностей.

«Свободу не выпрашивают, а завоевывают лезвием мачете», — эти слова Антонио Масео стали девизом десятков тысяч кубинцев, участвовавших в составе Освободительной армии в войне за независимость 1895— 1898 г. Они полностью отражали и суть выдвинутой Марти концепции «необходимой войны», — когда все другие средства уже использованы. «Революция на Кубе, — писал он в начале 90-х годов, — это воздух, которым дышат все... Ничто не сможет помешать ее триумфу».

Ради достижения победы Марти проводит огромную организационную работу: объединяет патриотов внутри страны и за границей, весной 1892 г. создает Кубинскую революционную партию (КРП), основывает газету «Патриа», осуществляет общее политическое и военное руководство революционными силами в начале войны. Эту «гигантскую героическую кампанию» Фидель Кастро назовет своими «самыми любимыми страницами истории Кубы».

Кубинские революционеры 50-х годов XX в. возьмут на вооружение некоторые базисные положения идеологической платформы КРП, такие, как концепция «необходимой войны»; счастье всех жителей острова как основополагающая конечная цель борьбы; особая роль Кубы в политической истории континента, обусловленная ее географической близостью к США; использование государственной казны в интересах всех кубинцев. У Фиделя Кастро и его сторонников найдет горячий отклик и такое положение программы КРП, как «формирование нового народа посредством искренней демократии».

Испания конца XIX в., по словам знаменитого испанского поэта Антонио Мачадо, «одряхлевшая, картежная, сумятыющаяся, грустная страна», пыталась во что бы то ни стало сохранить за собой «жемчужину Ан-тил», однако ход освободительной войны на Кубе свидетельствовал о том, что это вряд ли удастся, и тогда США объявили Испании войну.

Дальнейшее развитие событий показало, что не только и не столько торговля лежала в основе этой крупномасштабной военной акции США. После подписания 10 декабря 1898 г. Парижского мирного договора они фактически овладели Пуэрто-Рико и Филиппинами. Куба была оккупирована американскими войсками вплоть до 1902 г. За это время военные 6

губернаторы Кубы генералы Дж. Бруки Л. Вуд максимально использовали свои неограниченные полномочия. Так, например, за период с декабря 1899 г. по май 1902 г. Вуд предоставил компаниям США 233 концессии на разработку на острове полезных ископаемых (цветных металлов, марганца, свинца, цинка, графита). В этот же период «Юнайтед фруткомпа-ни» приобрела на Кубе за бесценок десятки тысяч га земли.

Американцы поставили под контроль не только хозяйственную, но и политическую жизнь острова, настояв на включении в Конституцию Кубы так называемой «поправки Платта», ликвидировавшей все суверенные права кубинского государства. Конституция признавала за США право на вмешательство во внутренние дела Кубы, на приобретение там земель и пользование морскими базами, ограничивала возможности Кубы в заключении договоров и соглашений с другими странами и в получении иностранных займов.

Когда США вывели войска с Кубы и отозвали военных губернаторов, они оставили остров в «надежных» руках: первым президентом там стал Т. Эстрада Пальма, более 20 лет проживший до этого в США и даже принявший американское гражданство. «Своими» людьми для Вашингтона были практически все последующие президенты буржуазной Кубы.

Эстрада Пальма превратил страну в огромный аукцион, на котором могущественный сосед скупал все: землю, рудники, сахарные и табачные плантации, месторождения полезных ископаемых. В течение первых 20 лет XX в. продолжалась интенсивная распродажа наиболее плодородных земель: 911 тыс. га стали собственностью иностранных, прежде всего американских, предпринимателей и компаний.

В реализации своих интересов на Кубе США опирались прежде всего на крупных землевладельцев, кубинскую «сахарократию», хозяев табачных плантаций и тех, кто контролировал внешнюю торговлю острова. В первой половине XX в. блок крупной кубинской буржуазии и ведущих монополий США осуществлял абсолютный контроль над всеми функциями кубинского государства. Идеалы борцов за независимость Кубы фактически были попораны. Известный кубинский философ Эрике Хосе Варона, выступая 11 января 1915 г. на торжественной церемонии по случаю посвящения его в академики Национальной академии искусств и словесности, с горечью отмечал: «Наше печальное прошлое вдруг подняло голову, бросив нам в лицо, что мы напрасно сражались, предпринимали столько усилий и пролили столько крови. Предшествовавшее поколение кубинцев, великое своим самопожертвованием, должно смотреть на нас с удивлением и разочарованием и, пораженное всем происходящим, вправе спросить нас: «Это и есть результат нашей борьбы, которой мы отдавали и сердце, и жизнь?.. Куба республиканская похожа на Кубу колониальную, как сестры-близнецы».

Новые поколения кубинских патриотов в основном должны были решать те же задачи, что и мамби¹ во второй половине XIX в. И хотя политических лидеров Хулио Антонио Мелью, Антонио Гитераса, Эдуардо Чи-баса разделяли многие идеологические противоречия, одно их роднило: осознание исторической необходимости борьбы за подлинную независимость Кубы. В начале 30-х годов удалось добиться частичного успеха — отмены «поправки Платта». Окончательно же решить эту задачу выпало на долю Ф. Кастро и его сторонников.

«Наша революция такая же кубинская, как наши пальмы», — неоднократно говорил Ф. Кастро. Также он постоянно подчеркивал неразрывную, органическую связь всех поколений борцов за независимость страны. Об этом свидетельствует и то, что молодые революционеры, шедшие на штурм казармы Монкада 26 июля 1953 г., называли себя «поколением Столетия» (в честь столетней годовщины со дня рождения Х. Марти), и то, что идеологическую основу «Движения 26 июля» составляли идеалы и нравственные принципы многих поколений кубинских патриотов.

От них же Ф. Кастро и его сторонники унаследовали веру в свой народ, чувство собственного достоинства, готовность к самопожертвованию, стойкость и мужество. Эти качества кубинских революционеров проявились на всех этапах борьбы против диктаторского режима. И хотя в начале 1959 г. Ф. Кастро сказал в шутку, что солдаты Батисты негодились бы даже в качестве погонщиков мулов в армии Масео, хорошо известно, что партизанам Сьерра-Маэстры пришлось преодолеть огромные трудности экономического, военного и даже международного характера. Последнее, естественно, связано с позицией США, всемерно поддерживавших кубинского диктатора. Однако Ф. Кастро верил в успех, так как был убежден, что идеалы революции разделяет абсолютное большинство кубинского народа, в интересах которого она была призвана разрешить наиболее существенные вопросы, касающиеся земельной реформы, индустриализации, жилья, занятости, образования и здравоохранения. И 1 января 1959 г. революция победила.

Выступая вскоре на миллионном митинге в Гаване, Ф. Кастро подчеркнул: триумф революции отнюдь не означает, что все задачи будут немедленно решены, «что каждый из нас будет теперь иметь по дворцу и жизнь станет легкой прогулкой... 1 января, — уточнил тогда лидер революции, — мы только завоевали право начать».

Так называли себя кубинские повстанцы, боровшиеся против испанских войск.

В течение последующих почти 50 лет многое из задуманного кубинскими революционерам удалось осуществить, и автор данного издания глубоко убежден, что их успехи были бы неизмеримо большими, если бы США не продолжали считать — в традициях доктрин «зрелого плода» и «предопределения судьбы», — что они имеют монопольное право определять, каким должно быть и настоящее, и будущее Кубы. Исходя из этого принципа, Вашингтон попытался превратить Кубу в осажденную крепость, подвергнув остров экономической блокаде. Политика США по отношению к Кубе лишней раз подтвердила слова Симона Боливара из его письма к Эстанислао Вергаре, написанного в 1823 г.: «Соединенные Штаты, так трогательно пекущиеся о своих свободах, в корне меняются, когда речь идет о свободе других. Больше того, они превратили эту самую свободу в инструмент, обрекающий на нищету другие народы».

Однако кубинский народ с неизменным достоинством защищает свои национальные ценности, строя новую жизнь вопреки желанию Вашингтона.